

**Эволюция исторического опыта в рамках аналитической философии истории:
от Р.Дж. Коллингвуда к Ф. Анкерсмигу**

Научный руководитель – Губман Борис Львович

Аванесян Артем Александрович

Кандидат наук

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

E-mail: timmtuyy@ro.ru

Аналитическая философия истории объединила в своём развитии различные идейные течения. Одним из источников формирования нарративного подхода стала предложенная Р.Дж. Коллингвудом теория исторического познания. Трактую исследование прошлого в гегелевском ключе, британский философ предлагает в качестве фундамента своей историософской программы концепцию воспроизведения мыслительного опыта прошлого в современном контексте. На основе сохранившихся свидетельств историк должен восстановить телеологию поступков деятелей прошлого. Постижимыми в историческом смысле оказываются исключительно целесообразные акты, деяния, за которыми может быть прослежена мыслительная активность человека [3, с. 296]. Используя исторические источники как улики, исследователь постепенно раскрывает ход мысли участников событий и тем самым формулирует некую модель объяснения случившегося. В этом смысле выявляется двойственный характер исторического опыта, принадлежащего одновременно и прошлому, и настоящему [там же, с. 152]. Понимание событий прошлого, осуществляемое в ходе интерпретации исторических источников, определяется индивидуальной точкой зрения историка, его личным исследовательским опытом.

Данный подход предлагает эмпирическую методiku исследования единичных фактов прошлого. Но для увязывания исторических фактов в объединённые каузальными связями последовательности событий Коллингвуд развивает концепцию априорного воображения. Постигание прошлого, таким образом, фундируется идеей истории - неким представлением историка о том, каким должно быть прошлое, своеобразным комплексом эпистемологических и этических предпосылок, которые не ставятся под сомнение в рамках выстроенной на их основе системы исторического знания [6, с. 31]. В трактовках представителей аналитической философии подобное объяснение представляется недостаточным, в связи с чем ключевым оказывается именно вопрос о том, как единичные события увязываются в целостный последовательный нарратив о прошлом и как при этом трансформируется само понимание единичных фактов.

Коллингвудианскую интерпретацию исторического опыта углубляют идеи Л. Минка, чья философская рефлексия концентрируется на проблеме нарративного представления прошлого. Сингулярное событие не существует изолировано, вне связи с другими событиями, соответственно и понять его смысл можно только в рамках некоего контекста. Только конкретная стратегия объяснения, увязывающая феномены прошлого в причинно-следственные комплексы, позволяет сформулировать значение единичных фактов - понимание сопряжено с прослеживанием истории [5, с. 555]. Задача исследователя сводится к тому, чтобы, вырвав некоторый промежуток времени из целостного потока исторического становления, представить его в виде связного повествования, в рамках которого отдельные события как причины и следствия взаимно объясняют друг друга. Построение нарратива предстаёт полноценной исследовательской методикой.

Схожим образом теорию познания прошлого анализирует А. Данто, утверждая ретроспективный взгляд на случившееся из ситуации современности в качестве единственно

возможного пути исторического познания [2, с. 146-147]. Для правильного понимания события необходимо учитывать вызванные им последствия. Своеобразие исторического опыта с этой точки зрения проявляется в особом положении исследователя: с одной стороны ему недоступно непосредственное наблюдение изучаемых явлений [там же, с. 154], но при этом у него есть уникальная возможность проследивать последовательное становление событий, объединенных каузальными связями. Избираемый историком способ рассказать о прошлом оказывается критически важной составляющей исследования - познание прошлого зависит не только от фактов, но и от способа увязывания их между собой, что привлекает особое внимание к стилю написания исторического сочинения, используемым выразительным средствам. Изучение этого вопроса в пределах тропологии Х. Уайта приводит к выводу о том, что выбор конкретной стратегии изложения материала исследования определяется не столько эпистемологической необходимостью, сколько этическими и эстетическими предпочтениями автора [7, с. 27-29]. История заимствует литературные приёмы для рефигурации событий прошлого в нарративной репрезентации.

Попытку выявить сущностные различия между историей и литературой предпринимает П. Рикёр, рассматривая нарратив в качестве универсального способа выражения опыта. Своеобразие исторического исследования при этом возводится к неустранимой интенции правдиво рассказать о прошлом, возможность чего определяется профессиональной критикой исторических источников, на уровне которых осуществляется прямая референция к прошлой реальности. Источник представляет собой осколок прошлого, присутствующий в современности, он должен быть осмыслен как знак, указывающий на то, что когда-то происходило [4, с. 589-590], чтобы его можно было использовать в историческом исследовании, фундаментом которого оказывается неразрывное единство временной линии, объединяющей прошлое, настоящее и будущее.

Кардинально иной подход к рассмотрению исторического опыта развивает Ф. Анкерсмит, в изложении которого предпосылкой исторического познания полагается осознание противоположности, несовместимости прошлого и настоящего. Именно выявляемый между ними контраст позволяет осмыслить прошлое как навсегда оставленное позади, прошедшее состояние, что даёт возможность объективировать и описать его. Возвышенный исторический опыт, порождаемый травматическим ощущением утраты связи с прошлым, растворяет субъектность, индивидуальность в стихии опыта [1, с. 314], позволяя тем самым парадоксальным образом осуществить непосредственный контакт с прошлым, результатом которого оказывается эпистемологически выверенный, профессиональный исторический нарратив.

Аналитическая традиция историософии предлагает две различные, во многом противоположные модели осмысления исторического опыта. Линия, приводящая к теории П. Рикёра, концентрирует внимание на континуальности, взаимосвязи прошлого и настоящего. Ей противостоит доктрина Ф. Анкерсмита, утверждающая фундаментом исторического познания опыт разрыва, актуальное переживание разности между прошлым и настоящим. Тем не менее, эти подходы скорее дополняют друг друга, раскрывая противоположные стороны столь сложного явления, как исторический опыт.[1]

[1] Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого». № 20-011-00406 А

Источники и литература

- 1) Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
- 2) Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
- 3) Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 489 с.

- 4) Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- 5) Mink L.O. History and Fiction as Modes of Comprehension // New Literary History, Vol. 1, №3. History and Fiction, 1970. P. 541-558.
- 6) Turner S. Collingwood and Weber vs. Mink: History after the Cognitive Turn // Journal of the Philosophy of History, Vol. 5, Is. 2, 2011. P. 230-260.
- 7) White H. Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe. Baltimor, 1973. 448 p.